

ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА ПРИХОДЬКО

кандидат филологических наук, доцент кафедры древних языков исторического факультета
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
(Москва, Российская Федерация)
ORCID 0009-0005-4843-6967; aristonica@list.ru

«СВЕТОНОСНЫЙ БЕРЕГ» ИЛИ «СВЕТОНОСНЫЙ ЛУЧ»: КАК ЗАКАНЧИВАЛСЯ Н-СТИХ АЛФАВИТНОГО ОРАКУЛА ИЗ ГИЕРАПОЛЯ?

Аннотация. Надпись с алфавитным оракулом была обнаружена в 1963 году в Гиераполе во Фригии при раскопках храма А в святилище Аполлона. Прямоугольная мраморная колонна, на боковой стороне которой была вырезана эта надпись, была использована при реконструкции храма в качестве блока основания пола. Дж. Карреттони сфотографировал колонну и снял копию с надписи, после чего ради сохранности колонна была снова засыпана землей. По материалам Карреттона в 1965 году надпись опубликовал Дж. Пульезе Каррателли. Некоторые стихи этой надписи вызвали среди ученых бурное обсуждение. До настоящего времени остается открытым вопрос о последнем слове N-стиха. Пульезе Каррателли дал его так: Νῦκτὸς ἀπὸ ζοφερῆς ἐφάνη ποτὲ φωσφόρος ἀκτή – «Из темной ночи показался наконец светящийся берег». Но И. Каццанига и М. Вест независимо друг от друга исправили последнее слово на ἀκτίς – «Из темной ночи показался наконец светящийся луч». Первое чтение поддержали М. Гвардуччи, Дж. Нэнчи, М. Джигантес, второе – Й. Нолле. Т. Ритти высказывалась то за одно чтение, то за другое. Для решения вопроса о правильном варианте чтения автор статьи проводит сравнение между N-стихом оракула из Гиераполя и N-стихом оракула из Тимбрид. Как уже было установлено, написанный ямбическим триметром оракул из Тимбрид послужил образцом для написанного гекзаметром оракула из Гиераполя. N-стих оракула из Тимбрид обещал просителю: Νῦκτὸς κελατινῆς ἐκ μέσης ἔσται φάος – «Из непроглядной полночи возникнет свет». В оракуле из Гиераполя выражение φωσφόρος ἀκτή / ἀκτίς заменило собой слово «свет», и для этой замены лучше подходит слово «луч». Кроме того, автор доказывает, что принцип употребления прилагательного φωσφόρος не позволил бы носителю языка сделать его эпитетом слова «берег». Фωσφόρος, как показывает анализ функционирования этого прилагательного, всегда определяло субъект или предмет, испускающий свой собственный свет, а берег к таким предметам никак не относится. Поэтому правильный вариант – φωσφόρος ἀκτίς.

Ключевые слова: древнегреческая надпись, алфавитный оракул из Гиераполя, алфавитный оракул из Тимбрид, гекзаметр, ямбический триметр, фωσφόρος

Для цитирования: Приходько Е. В. «Светоносный берег» или «светоносный луч»: как заканчивался N-стих алфавитного оракула из Гиераполя? // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 1. С. 75–83. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1268

ВВЕДЕНИЕ, ИЛИ ОБНАРУЖЕНИЕ В ГИЕРАПОЛЕ НАДПИСИ С АЛФАВИТНЫМ ОРАКУЛОМ

В сентябре 1962 года в городе Гиераполе во Фригии итальянская экспедиция во главе с Джан-Филиппо Карреттони приступила к раскопкам храма, который долгое время считался храмом Аполлона. Результаты начавшегося в 2001 году систематического исследования этого участка привели к пересмотру прежних представлений: на территории святилища были обнаружены еще две храмовые постройки В и С и даже мраморный театрон, настоящим храмом Аполло-

на была признана постройка В, а бывший «храм Аполлона» стали называть «постройкой А» или «храмом А» [20], [21]. Второй сезон работ проходил с 3 сентября по 6 октября 1963 года, и в это время с правой стороны целлы возле пронаоса была найдена прямоугольная колонна из белого мрамора ($1,60 \times 0,50 \times 0,43$ м)¹, использованная при реконструкции храма в качестве блока основания пола [3: 411–413, 432], [10: 40, 461]. На лицевой стороне колонны была вырезана надпись в честь Сабины, жены императора Адриана, а на боковой стороне где-то

на 0,9 м ниже верхнего края рукой явно другого резчика была вырезана надпись, содержавшая алфавитный оракул [9: 172–173], [19: 250–253].

Алфавитный оракул – это собрание из двадцати четырех однотишиных, чаще ямбических, реже гекзаметрических, прорицаний, расположенных друг за другом по принципу акrostиха: первое прорицание начинается с А, второе с В, третье с Г и так до Ω, – и именно буква определяла то изречение, которое было ответом божества на заданный ему вопрос. Правда, каким образом проситель получал исковую букву, мы точно не знаем. Есть несколько предположений, но самый доступный метод – это вытаскивание одного из двадцати четырех камешков или астрагалов с нанесенными на них буквами. Для создания маленьких прорицалищ люди обычно вырезали алфавитные оракулы на скалах или на фасадах гробниц, но в отдельных случаях надпись с оракулом могла быть размещена на плите, которая потом была установлена в крупном святилище, образуя прорицалище в святилище. По своему содержанию алфавитные оракулы, скорее, являются не предсказаниями, а советами и наставлениями по правильной линии поведения, ведущей к достижению поставленной цели. Упоминаний об этом виде мантии в античной литературе нет, и на данный момент были найдены и опубликованы лишь двенадцать таких надписей, причем очень разной степени сохранности. В 2007 году их собрал вместе в одном издании Й. Нолле [13: 223–279].

СПОРЫ ОТНОСИТЕЛЬНО РЕКОНСТРУКЦИИ ПОСЛЕДНЕГО СЛОВА N-СТИХА

После обнаружения колонны с алфавитным оракулом Карреттони сделал копию и фотографии надписи, после чего ради сохранности камень был вновь засыпан землей, и до 1977 года доступа к надписи ни у кого не было [16: 130–131]. По материалам Карреттони *editio princeps* этой надписи подготовил Джованни Пульезе Каррателли, и она была опубликована в 1965 году. Кроме самого текста надписи, Пульезе Каррателли представил ее перевод и снабдил ее небольшими комментариями [14: 351–357]. Некоторые стихи этого оракула сразу вызвали бурное обсуждение, и многие ученые предлагали свои исправления того или иного места; хотя основная часть этих споров уже давно закончилась, последнее слово N-стиха до сих пор имеет два варианта реконструкции, и именно их рассмотрению будет посвящена данная работа.

Пульезе Каррателли прочитал N-стих следующим образом: Νυκτὸς ἀπὸ ζοφερῆς ἐφάνη ποτὲ φωσφόρος ἀκτή – и соответственно его перевел: Dalla notte tenebrosa apparve ormai una luminosa riva – «Из темной ночи показался наконец светящийся берег»². В комментариях он предложил сравнить его со словами орфического гимна к Эос νυκτὸς ζοφερήν τε καὶ αἰολόχρωτα πορείην – «темный и усеянный звездами путь ночи» (LXXVIII. 4) и даже причислил этот стих к тем стихам, в стиле которых, по его мнению, отчетливо слышны отголоски сoteriологических учений.

Первое сомнение относительно φωσφόρος ἀκτή высказал в 1966 году Игнацио Каццанига. Он подчеркнул, что ἀκτή – это именно «скалистый берег» и что этот образ должен был быть порожден ночной бурей, после которой утром земля кажется «светлой», но это происходит по той причине, что она освещена солнцем, в то время как φωσφόρος – это «светящийся», а не «освещенный». Такое словосочетание можно объяснить, если вслед за Пульезе Каррателли трактовать его как мистический образ. Но если бы это было не так, то последнее слово следовало бы читать ἀκτί<ς>, и речь шла бы о солнце или даже о Фосфоре, Утренней звезде. При таком прочтении получилось бы традиционное противопоставление ζόφος (тьмы за-пада) и φωσφόρος = Эос (света востока), как, например, в известном стихе Сапфо: Ἔσπερε πάντα φέρων ὅσα φαίνολις ἐσκέδασ’ Αἴως – «О Геспер, приносящий все то, что рассеяла лучезарная Эос» (Fr. 104a Lobel–Page). Так был предложен второй вариант реконструкции последнего слова N-стиха, который сам Каццанига оценивал как «возможное чтение» [4: 69].

Параллельно с Каццаниой в том же 1966 году заменить ἀκτή на ἀκτίς предложил Мартин Вест. Он отметил, что на фотографии за АКТ видна только вертикальная гаstra, слабая горизонтальная линия, проходящая посередине буквы, выглядит как продолжение трещины в камне, которую можно проследить дальше через букву тау. Смысл этого изречения Вест сравнил со стихами из «Персов» Эсхила: ἐμοῖς μὲν εἴπας δῶμασιν φάος μέγα καὶ λευκὸν ἥμαρ νυκτὸς ἐκ μελαγχίμου – «Ты из черной ночи возвестил для моего дома великий свет и белый день» (300–301). Также он напомнил о поговорке ἦώς ὄρῶσα τὰ νυκτὸς ἔργα γελᾶ – «Заря смеется, видя дела ночи» (Apost. VIII. 77g) и о словах Аполлония у Флавия Филострата: ἔσται γάρ τι ἐκ τῆς νυκτὸς ταύτης φῶς – «Ведь будет из этой ночи

свет» (VA VIII. 23) [11: 263]. В следующем году Вест издал статью «Оракулы Аполлона Карейского. Исправленный текст», где он представил полный текст алфавитного оракула из Гиераполя с учетом предложенных исправлений. В конце N-стиха Вест дал свой вариант: φωσφόρος ἀκτί[ς] [22: 184].

В 1974 году в защиту чтения первого издателя выступила Маргарита Гвардуччи. Отмечая, что и Пульезе Карателли, и Каццанига недоумевали относительно «светящегося» берега и один пытался решить проблему, трактуя это высказывание как мистический образ, а другой сразу же прибег к исправлению ἀκτή на ἀκτή[ς], Гвардуччи сначала опровергает возможность словосочетания φωσφόρος ἀκτίς: было бы странно применять прилагательное φωσφόρος к ἀκτίς, поскольку луч уже сам по себе яркий, а если принять Фωσφόροс за существительное Фосфор, или Утренняя звезда, то тогда непонятно, как согласовать с ним с ἀκτίς. Затем Гвардуччи предлагает свое понимание смысла изречения: скалистый берег (ἀκτή) вполне может быть φωσφόροс, если на нем возвышается маяк – черной ночью маяк своим светом возвещает морякам, сражающимся с яростью волн, что гавань уже близка и есть надежда на спасение. Черная ночь, по мнению исследовательницы, может также быть образно понята как темное бурное море человеческой жизни, из которого спасает божественный свет [7: 201].

В следующем 1975 году вышла в свет небольшая статья Джузеппе Ненчи «ΦΩΣΦΟΡΟΣ ΑΚΤΗ», посвященная исключительно N-стиху гиерапольского оракула. Ненчи не счел достаточно аргументированным мнение Гвардуччи и не поддержал идею маяка. Напротив, он высказал уверенность в том, что этот стих основан на давнем морском опыте эллинов, для которых точным ориентиром во время плавания служили скалистые горы белого цвета, обладавшие как днем, так и ночью своей собственной яркостью, характерной для калькаренитов, которые и при солнечном, и при лунном свете действительно становились, согласно Горацию, *saxis late cadentibus – «широко сверкающими скалами»* (Serm. I. 5. 26). Ненчи предлагает вспомнить о функции Λευκαὶ ἀκταὶ и Λευκαὶ πέτραι, рассеянных по средиземноморским берегам, и понять, что мы имеем дело с мистической интерпретацией реальных данных, полученных благодаря опыту греческих моряков. Кроме того, Ненчи обращает внимание на то, что нет необходимости связывать этот образ исключительно

с ночным плаванием, когда белеющий скалистый берег в конце концов предстает как светлая точка ориентира и надежды; дневная буря тоже сопровождается темнотой, поэтому «буря = глубокая ночная темнота» – это литературная матрица, присутствующая уже в «Одиссее» (δὴ τότε κυανέην νεφέλην ἔστησε Κρονίων νηὸς ὑπερ γλαφυρῆς, ἥχλυσε δὲ πόντος ὑπ' αὐτῆς³, XII. 405–406) и взятая на вооружение Вергилием (tum mihi caeruleus supra caput astitit imber noctem hiememque ferens, et inhorruit unda tenebris⁴, Aen. III. 194–195,ср. Aen. V. 8–11). Наконец, Ненчи утверждает, что мистический характер образа отчасти берет верх благодаря тому, что ἐφάνη ποτέ оракула являются реминисценцией (или аллюзией) на слова хора из «Антигоны» Софокла: ἀκτὶς ἀελίου... ἐφάνθης ποτ' – «О луч солнца... ты наконец явился» (100–103). Именно этот контекст побудил, по его мнению, Каццанигу предложить чтение ἀκτίς [12].

На статью Ненчи кратко откликнулся Марчелло Джигантэ. Он поддержал защиту чтения φωσφόροс ἀκτή, но при этом отклонил сопоставление с пародом «Антигоны». По его мнению, в сознании автора оракула должны были промелькнуть слова хора из «Эдипа в Колоне», поющего об освещенных светом факелов Элевсинских берегах (λαμπάσιν ἀκταῖς, 1049) [6].

В 1978 году Гвардуччи опубликовала в четвертом томе «Греческой эпиграфики» весь текст алфавитного оракула. В N-стихе последним словом она оставила ἀκτή и дала такой перевод этого стиха: Nella oscura note apparge già la costa luminosa – «В темной ночи уже показался светящийся берег». В кратком комментарии Гвардуччи вновь повторила, что этот стих вдохновлен образом моряка, который в черную бурную ночь видит на берегу сияющий маяк, возвещающий о гавани, где тот найдет спасение и покой [8: 100–105].

В 1985 году Туллия Ритти опубликовала надпись со вторым алфавитным оракулом из Гиераполя, найденным в Мартирии святого Филиппа. Камень с этой надписью при вторичном использовании был обрезан по кругу, в результате чего часть стихов была утрачена полностью, а стихи от Η до Φ имели большие лакуны. От N-стиха, который в этом собрании совпадал с N-стихом первого оракула, остались только слова]ς ἐφάνη ποτὲ φωσφόρος, то есть последнее слово вообще не сохранилось. Ритти также привела весь текст первого алфавитного оракула из Гиераполя, указывая сразу за каждым стихом предложенные варианты исправлений. Хотя камень с надпи-

сью был к тому времени уже извлечен из земли и Ритти имела возможность детально изучить эту надпись, основным она оставила вариант Пульезе Каррателли и привела его перевод [16: 132–133].

Однако через четыре года в статье, посвященной алфавитным оракулам из Гиераполя и их сравнению с алфавитными оракулами из Тимбридад и святилища Солы-Холадес на Кипре, Ритти уже не стала следовать *editio princeps* и заменила в N-стихе ḥaktí на ḥaktí[ζ]. В соответствии с этим чтением был дан и новый перевод: *Luce scaturirà in mezzo alla notte tenebrosa* – «Посреди темной ночи забрезжит свет». Комментируя свой выбор, Ритти написала, что изучение надписи заставило ее усомниться в существовании конечной буквы Н и согласиться с Вестом в том, что вертикальную гаству рядом с буквой Т пересекает поверхностная царапина, идущая от буквы Т. Это, по ее мнению, оставляло возможность как для чтения АКТН, так и для чтения АКТΙ[Σ]. Однако она выбрала вариант, предложенный Вестом, на основании сопоставления с соответствующим стихом оракулов из Тимбридад и Сол-Холадес, где речь шла о появляющемся свете (φώος). Ритти также заметила, что если бы поэт из Гиераполя действительно использовал в конце стиха слово АКТН, то пришлось бы думать о намеренной замене более сложного понятия (белеющий берег приносит надежду в бурную ночь, в которой метафорически плавает вопрошающий) на более банальное утверждение, что свет может появиться даже из самой густой тьмы. Поэтому она остановила свой выбор на варианте АКТΙ[Σ], позволяющем сохранить соответствие между N-стихами из Гиераполя и Тимбридад. Из этого высказывания следует, что, с точки зрения Ритти, оракул из Гиераполя был создан раньше оракула из Тимбридад [17: 247–250, 264–265].

Казалось бы, вопрос о последнем слове N-стихика был уже решен, но в «Археологическом путеводителе по Гиераполю (Паммуккале») (2006) Ритти неожиданно изменила свою позицию и в очередной публикации текста оракула из святилища Аполлона без объяснений дала последним словом N-стихика ḥaktí, что также было отражено и в переводе: *From the tenebrous night appears the luminous coast* – «Из мрачной ночи появляется светящийся берег» [18: 167–171]. А незадолго до этого, в 2003 году Франческо Д'Андреа, тоже приводя полностью текст оракула, допустил странное смешение вариантов: в греческом тексте последним словом было поставлено

ἀκτή, но при этом в переводе значился «луч»: *From the tenebrous night once appeared a luminous ray* – «Из мрачной ночи однажды появился светящийся луч» [5: 228–231].

В 2007 году вышел в свет монументальный труд Йоганнеса Нолле, где были собраны вместе все известные на тот момент надписи с астрогальными и алфавитными оракулами. Нолле однозначно высказался за вариант ḥaktí[ζ], подчеркнув, что как фотография, сопровождавшая *editio princeps*, где в конце строки четко видна вертикальная гаста, так и сравнение по содержанию с N-стихом оракулов из Тимбридад и Сол-Холадес не оставляют места для чтения ḥaktí, и перевел N-стих следующим образом: *Aufschien aus finsterer Nacht einst ein Strahl, der das Licht dann gebracht hat* – «Однажды из темной ночи блеснул луч, который принес свет». Все же филологические усилия по объяснению образа светоносного острова Нолле расценил как малорезультативные [13: 256–257].

Авторитет издания Нолле также не смог поставить точку в обсуждаемой проблеме. В 2017 году в очередном томе из серии *Hierapolis di Frigia* Ритти вновь переиздала обе надписи с алфавитными оракулами, и в это издание, как и в издание Д'Андреа, явно закралась ошибка. Последним словом N-стиха Ритти ставит ḥaktí и снабжает его сноской, где объясняет, что «новый аутоптический анализ подтверждает это чтение, остававшееся долгое время одной из *cruces* этого текста». Что конкретно показал этот аутоптический (то есть основанный на непосредственном осмотре памятника) анализ, она не излагает, а лишь после греческого текста пишет о том, что у 13-го стиха последнее слово ḥaktí, а не ḥaktí[ζ]. Однако потом в переводе надписи N-стих выглядит так: *Dalla notte tenebrosa apparve una volta un raggio luminoso* – «Из темной ночи однажды появился луч света» [19: 250–251]. Перевод явно не соответствует греческому тексту, и вопрос о том, что реально хотела сказать Ритти: ḥaktí или «луч», – формально остается открытым. Правда, Томмазо Исмаэлли, ссылаясь на эту работу Ритти, приводит как итоговый вариант обсуждения φωσφόρος ḥaktí [10: 472].

НОВЫЙ ПОДХОД К РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ: СРАВНЕНИЕ С N-СТИХОМ АЛФАВИТНОГО ОРАКУЛА ИЗ ТИМБРИАД

В такой двойственной ситуации более надежным способом решения проблемы может оказаться лексический и синтаксический анализ

самого прорицания из Гиераполя, а также близкого по смыслу изречения алфавитного оракула из Тимбридад. Что касается алфавитного оракула из Сол-Холадес, то те немногочисленные фрагменты, которые от него остались, свидетельствуют о том, что его текст полностью совпадал с текстом оракула из Тимбридад [13: 269–272], и поскольку ни на Кипре, ни на материке в соседней Кипру Киликии нигде больше не было обнаружено надписей с алфавитными оракулами, то с большой долей уверенности можно утверждать, что надпись из Сол-Холадес является неизвестно каким образом занесенной на Кипр копией надписи из Тимбридад. Поэтому все, что будет сказано про N-стих оракула из Тимбридад, будет относиться и к оракулу из Сол-Холадес, и каждый раз дополнительно оговаривать это мы не будем.

Надпись, которую принято называть алфавитным оракулом из Тимбридад, происходит не из самого города, а из загородного святилища Матери богов Вегины и речного бога Эвримедонта в Зиндан Магарасы. Эту надпись нашел и скопировал в 1972 году Клод Бриш, а потом в 1988 году опубликовал ее в соавторстве с Рене Одо [2: 140–142]. В отличие от гекзаметрических стихов оракулов из Гиераполя, стихи оракула из Тимбридад написаны ямбическим триметром. На совпадение по содержанию целого ряда стихов сначала оракула из Сол-Холадес, а потом и оракула из Тимбридад со стихами оракулов из Гиераполя обращали внимание многие учёные, но при этом Пульезе Каррателли вообще не стал обсуждать вопрос о первичности того или другого варианта [15: 11–12]; Бриш и Одо сочли бессмысленным пытаться установить, какая версия, дактилическая или ямбическая, возникла первой [2: 161]; Ритти отдала первенство тексту из Гиераполя [17: 264–265]; в то время как Нолле привел несколько аргументов, доказывающих, что именно ямбический оракул был переработан в гекзаметрический, а не наоборот. Во-первых, основная часть алфавитных оракулов написана ямбом и только два оракула из Гиераполя – гекзаметром. Во-вторых, изречения Σ- и Ω-стихов из Тимбридад советуют вопрошающему обратиться за помощью к Серапису, и в Σ-стихе имя Сераписа стоит на первом месте, а значит, закреплено самим акrostихом. В изречениях этих же стихов из Гиераполя Серапис был заменен на местночтимого Аполлона Карейского – на его вторичность в этих стихах указывает то, что его имя не закреплено акrostихом. В-третьих, К- и М-стихи, а также вторая половина Λ-стиха не были пере-

деланы в гекзаметр и остались в ямбе, но заимствованы они были не из тимбридадского оракула, а из наиболее распространенного типа алфавитных оракулов [13: 226–227]. Действительно, при сравнении каждой пары совпадающих по смыслу изречений с точки зрения выбора лексики и синтаксической структуры фразы становится очевидным, что стихи гиерапольских оракулов являются переделкой стихов оракула из Тимбридад: изречения из Тимбридад составлены из общеупотребительных слов, не имеют бессмысленных добавлений и отличаются стройностью построения фразы, тогда как прорицания из Гиераполя, напротив, содержат редкие слова и ненужные вставки, необходимые автору для наполнения более длинного гекзаметрического стиха, а также демонстрируют необычные конструкции [1].

N-стих из Тимбридад обещал просителю следующее: Νυκτὸς κελαινῆς ἐκ μέσης ἔσται φάος – «Из непроглядной полночи возникнет свет». Все слова, образующие это изречение, функционировали уже в поэмах Гомера, и каждое его словосочетание к моменту появления в этом стихе оракула уже имело в языке свою историю. Выражение «будет свет» использует, например, Кассандра у Ликофона, когда предсказывает несчастье этолийцам, которые отправятся в Апулию и будут претендовать на земли Диомеда: «Будет однажды послан этолийцев там свет (ἔσται … φάος) скорбный и всевраждебнейший» (1056–1057). Словосочетание μέση νύξ / μέση νύκτες было устойчивым выражением, обозначавшим полночь: например, Ксенофонт рассказывает: «Когда это происходило, уже почти наступила полночь (μέσαι ἡσαν νύκτες)» (Anab. III. 1. 34). Эпитет κελαινή ‘черная’ стал определять слово «ночь» уже у Гомера, создавшего формулу κελαινὴ νύξ: ἀμφὶ δὲ ὅσπε κελαινὴ νύξ ἐκάλυψε – «а глаза окутала черная ночь» (Il. V. 310; XI. 356;ср. XIV. 438–439). Эту формулу до тимбридадского поэта использовали многие авторы: так, гонец у Эсхила описывает битву: «Стон с жалобными воплями носились над морской пучиной, пока очи черной ночи (κελαινῆς νυκτός) не положили конец битве» (Pers. 426–428); Аполлоний Родосский повествует: «Восходящая Эос рассеяла в воздухе черную ночь (κελαινὴν νύκτα) божественным светом» (IV. 1170–1171). Единственное нарушение принятого словоупотребления, которое допустил в этом стихе поэт из Тимбридад, состоит в том, что он наделил эпитетом κελαινή не просто «ночь», а « полночь» (μέση νύξ) – такое сочетание слов у других авторов зафиксировано не было.

В Н-стихе из Гиераполя автор не смог задействовать прилагательное μέση, и «полночь» тимбридского изречения превратилась просто в «ночь». Также ему не удалось сохранить гомеровский эпитет κελαινή, и он заменил его на ζοφερή ‘мрачная’, создав очень редкое на тот момент словосочетание ζοφερή νύξ, которое до гиерапольского оракула зафиксировано только в поэме «Алексифармака» Никандра Колофонтского (501), присутствовало в изречении оракула Руфину неизвестной датировки (AP XIV. 72, 2) и начало активно употребляться лишь у византийских авторов. Ожидаемое в любом прорицании будущее время тимбридского изречения ἔσται уступило в стихе из Гиераполя место аористу ἐφάνη с добавленным к нему наречием ποτέ, превратив предсказание в констатацию свершившегося факта. Объяснить такую неудачную замену можно только стоявшей перед гиерапольским поэтом задачей переложить в более длинный гекзаметрический стих короткое ямбическое изречение. Эта же задача побудила его заменить слово φάος на более длинное словосочетание. Но на какое словосочетание: на φωσφόρος ἀκτή или на φωσφόρος ἀκτίς? Ответ очевиден – «свет» можно заменить по смыслу на «светоносный луч», тогда как «светоносный берег» в синонимы к «свету» никак не подходит.

Однако если это рассуждение кажется недостаточно аргументированным, то его может усилить еще такое наблюдение. Выполняя весьма непростую задачу по превращению ямбического собрания прорицаний в гекзаметрическое – можно предположить, что это был официальный заказ святилища или какого-то знатного горожанина, – гиерапольский поэт не раз использовал редкие слова и словосочетания и даже прибегал к синтаксическим неологизмам. Даже если предположить, что этот человек происходил из местной анатолийской семьи, то во II в. он уже, скорее всего, был носителем древнегреческого языка и определенно получил классическое греческое образование, а значит, прекрасно знал правила словоупотребления этого языка. Оба обсуждаемых словосочетания, и φωσφόρος ἀκτή, и φωσφόρος ἀκτίς, являются синтаксическими гапаксами, но первое из них образовано с нарушением принципа функционирования прилагательного φωσφόρος, а второе этому принципу соответствует. Эпитетом φωσφόρος эллины обычно наделяли нескольких богинь: Артемиду (Eur. IT 21; Callim. Hymn III. 204; Paus. IV. 31. 10), Гекату (Eur. Hel. 569, Alex. Fr. 62h Kannicht; Aristoph. Thesm. 858,

Fr. 594 Kock), Селену, она же Мена (Orph. Hymn. IX. 1) и Персефону (Orph. Hymn. XXIX. 9), нередко отождествляя их друг с другом (PGM IV. 2544, 2721 Preisendanz). В орфических гимнах светоносными названы также День (Р. 24), Гелиос (VIII. 12), Пан (XI. 11), Аполлон (XXXIV. 5) и Гефест (LXVI. 3). Но вне этого культового употребления прилагательное φωσφόρος всегда связывалось с тем субъектом или предметом, который был носителем своего реального света и обязательно излучал этот свет в мир. Это была утренняя Заря-Эос (Eur. Ion 1157; Apoll. Rhod. IV. 885), братья Диоскуры Кастор и Полидевк, вознесенные в созвездие Близнецов (AP VII. 88, 1; Oppr. Cyn. II. 14), Утренняя звезда, или планета Венера – ее даже называли Фосфором (Diog. Laert. VIII. 14; Plut. Mor. 430 A (Def. Or. 36); Heliod. Aeth. V. 22), звезды (ἀστήρ, Aristoph. Ran. 342–343; ἄστρα, Philo Jud. Op. Mun. 29, 53; Eus. PE XI. 24. 8), небесные тела (οὐράνια σώματα, Joan. Lyd. De mens. I. 12), глаза и зрачки (οὖματα, Plat. Tim. 45 b; κόρη, Eur. Cycl. 611; Nausicrat. Fr. 1–2, 9 Kock), светильник (λύχνος, Epicrat. Fr. 7–8, 4 Kock), сигнальный огонь (λαμπάς, Aesch. Ag. 489), сосновый факел (πεύκη, Aristoph. Fr. 599 Kock), огонь (πῦρ, AP App. Orac. 192, 5), пламя (φλόξ, Eur. Hel. 629) и др. Переносное значение возникает у φωσφόρος только в византийское время, а в античном мире его «свет» всегда был настоящим светом, таким, каким обладали звезды и планеты, факелы и костры. Следуя этой традиции, вполне допустимо было поставить φωσφόρος эпитетом к слову «луч», в то время как слово «берег» в нее никоим образом не вписывалось. Можно много рассуждать о том, что на берегу стоял маяк или что ночью были хорошо видны белые скалы, но для человека, писавшего стихи на древнегреческом языке, «берег» просто не мог быть «светоносным».

На самом деле, я бы предложила снова обратить внимание на слова хора из «Антигоны» Софокла. Ненчи решил, как уже было сказано, что этот пассаж побудил Каццанигу предложить чтение ἀκτίς, но очень похоже на то, что смотреть надо глубже и что именно на этот пассаж опирался автор оракула в своей работе и позаимствовал из него как слово ἀκτίς, так и вызвавшее у нас недоумение ἐφάνθης ποτ’ – он лишь изменил слабый аорист пассивный на сильный и второе лицо на третье. Но самое интересное – это то, что в софокловском пассаже есть и слово φάος: будучи приложением к ἀκτίς, оно словно подсказывало гиерапольскому поэту, на что можно было заменить «свет» оракула из Тимбрид: ἀκτὶς

ἀελίου, τὸ κάλλιστον ἐπταπύλῳ φανὲν Θήβᾳ τῶν πρότερον φάος, ἐφάνθης ποτ’, ὃ χρυσέας ἀμέρας βλέφαρον – «О луч солнца, самый прекрасный свет из прошедших дней, явившийся для семивратных Фив, ты наконец явился, о око золотого дня...» (100–104). Ненчি не мог обратить на это внимание, поскольку оракул из Тимбрид тогда еще не был опубликован, и он не знал, что исходный смысл N-стиха надо искать в ямбическом собрании, а там ключевым является слово φάος.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ, ИЛИ «СВЕТОНОСНЫМ» МОЖЕТ БЫТЬ ТОЛЬКО «ЛУЧ»

Таким образом, история написания N-стиха оракулов из Гиераполя становится вполне очевидной. Местный поэт перекладывал в гекзаметры ямбический образец, стараясь не от-

клоняться от содержания каждого изречения. Обдумывая, как передать «свет» N-стиха, он вспомнил слова хора из «Антигоны» и привлек в свой стих оттуда сразу три слова: ἀκτίς, ἐφάνη и ποτέ. Восстановление в конце N-стиха слова «берег» так и не было подтверждено аргументированным эпиграфическим материалом и при этом полностью опровергается словоупотреблением древнегреческого языка – проведенный анализ функционирования прилагательного φωσφόρος выявил ту языковую норму, которая обусловливала принцип сочетаемости этого прилагательного с определяемым им существительными. Поэтому вариант φωσφόρος ἀκτή должен остаться в истории изучения N-стиха, а правильной реконструкцией следует признать φωσφόρος ἀκτίς.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Т. Ритти дает размеры камня 1,58 x 0,475 x 0,42 м [17: 247].

² Все приводимые в статье переводы выполнены автором.

³ «Тогда иссиня-черную тучу поднял Кронион над крутобоким кораблем, и потемнело под ней море».

⁴ «Тогда над моей головой остановилась темная туча, несущая тьму и бурю, и вздыбились во мраке волны».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Приходько Е. В. Какой размер был первичным для алфавитных оракулов: ямбический триметр или гекзаметр? // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2024. № 5. С. 170–181. DOI: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-05-13
- Brixhe C., Hodot R. L'Asie Mineure du Nord au Sud: inscriptions inédites. (Études d'Archéologie Classique 6). Nancy: Presses universitaires de Nancy, 1988. 256 p.
- Carettoni G. Scavo del Tempo di Apollo a Hierapolis // Annuario della Scuola Archeologica di Atene e delle Missioni Italiane in Oriente. Vol. XLI–XLII. Nuova serie XXV–XXVI (1963–1964). Roma, 1965. P. 411–433.
- Cazzaniga I. Sui ΧΡΗΣΜΟΙ di Apollo da Hierapolis Frigia // La Parola del Passato. 1966. Vol. 21. P. 67–73.
- D'Andria F. Hierapolis of Phrygia (Pamukkale). An archaeological guide. İstanbul: Ege Yayınları, 2003. 240 p.
- Gigante M. Per la critica esegetica degli *oracoli* di Hierapolis // La Parola del Passato. 1976. Vol. 31. P. 323.
- Guarducci M. Nuove osservazioni sugli oracoli di Apollo Kareios a Ierapoli nella Frigia // Rivista di Filologia e di Istruzione Classica. 1974. Vol. 102. P. 197–202.
- Guarducci M. Epigrafia Greca. IV. Epigrafi Sacre Pagane e Christiane. Roma: Instituto Poligrafico dello Stato, 1978. 601 p.
- Ismaeli T. Il *monopteros* del Santuario di Apollo a Hierapolis di Frigia. Ricerche sull'oracolo alfabetico // Istanbuler Mitteilungen. 2009. Bd. 59. S. 131–192.
- Ismaeli T. Il Tempio A nel Santuario di Apollo. Architettura, Decorazione e Contesto. (Hierapolis di Frigia X). İstanbul: Ege Yayınları, 2017. 572 p.
- Lloyd-Jones H., West M. L. Oracles of Apollo Kareios // Maia. Rivista di letterature classiche. 1966. 18. P. 263–264.
- Nenci G. ΦΩΣΦΟΡΟΣ ΑΚΤΗ // Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa. Classe di Lettere e Filosofia. 1975. Ser. III. Vol. 5.1. P. 99–101.
- Nollé J. Kleinasiatische Losorakel. Astragal- und Alphabetchresmologien der hochkaiserzeitlichen Orakelrenaissance. München: Verlag C. H. Beck, 2007. 331 S.
- Pugliese Carratelli G. Χρῆσμοι di Apollo Kareios e Apollo Klarios a Hierapolis in Frigia // Annuario della Scuola Archeologica di Atene e delle Missioni Italiane in Oriente. Vol. XLI–XLII. Nuova serie XXV–XXVI (1963–1964). Roma, 1965. P. 351–370.
- Pugliese Carratelli G. ΘΕΟΙ ΠΡΟΠΥΛΑΙΟΙ // Studi Classici e Orientali. 1965. Vol. 14. P. 5–12.
- Ritti T. Hierapolis. Scavi e Ricerche I. Fonti Letterarie ed Epigrafiche. Roma: Giorgio Bretschneider Editore, 1985. 152 p.
- Ritti T. Oracoli Alfabetici a Hierapolis di Frigia // Miscellanea Greca e Romana. 1989. XIV. P. 245–286.
- Ritti T. An epigraphic guide to Hierapolis (Pamukkale). İstanbul: Ege Yayınları, 2006. 211 p.

19. Ritti T. Storia e istituzioni di Hierapolis. (Hierapolis di Frigia IX). İstanbul: Ege Yayınları, 2017. 726 p.
20. Semerano G. The Sanctuary of Apollo in Hierapolis: building activities and ritual paths // Ancient quarries and building sites in Asia Minor. Research on Hierapolis in Phrygia and other cities in south-western Anatolia: archaeology, archaeometry, conservation. (T. Ismaelli, G. Scardozzi, Eds.). Bari: Edipuglia, 2016. P. 777–785.
21. Semerano G. Ricerche nel Sanctuario di Apollo (2007–2011) // La Attività delle Campagne di Scavo e Restauro 2007–2011. (F. D'Andria, M. P. Caggia, T. Ismaelli, A cura di). (Hierapolis di Frigia VIII, 1). İstanbul, 2016. P. 191–222.
22. West M. L. Oracles of Apollo Kareios. A revised text // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1967. Bd. 1. S. 183–187.

Поступила в редакцию 24.11.2025; принята к публикации 24.12.2025

Original article

Elena V. Prikhodko, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation)
ORCID 0009-0005-4843-6967; aristonica@list.ru

“LIGHT-BEARING SHORE” OR “LIGHT-BEARING RAY”: WHAT WAS THE LAST WORD OF THE N-VERSE OF THE ALPHABETICAL ORACLE FROM HIERAPOLIS?

A b s t r a c t. In 1963, during excavations of Temple A in the Sanctuary of Apollo in Hierapolis, Phrygia, an inscription featuring an alphabetical oracle was discovered. The inscription had been carved onto the side of a rectangular marble column, which was used as a block in the floor's foundation during a reconstruction of the temple. G. Carettoni photographed the column and made a copy of the inscription before re-burying it for preservation. Based on Carettoni's documentation, the inscription was published in 1965 by G. Pugliese Carratelli. Some verses of this inscription sparked intense scholarly debate, particularly regarding the final word of the N-verse, which remains unresolved to this day. Pugliese Carratelli read it as: Νυκτὸς ἀπὸ ζοφερῆς ἐφάνη ποτὲ φωσφόρος ἀκτή, – “From the gloomy night at last a light-bearing shore appeared”. However, I. Cazzaniga and M. West independently emended the final word to ἀκτίς (ray), yielding: “From the gloomy night at last a light-bearing ray appeared”. The initial reading was supported by M. Guarducci, G. Nenci, and M. Gigante, while J. Nollé endorsed the second. T. Ritti remained undecided, oscillating between the two interpretations. To clarify the correct reading, the author of the article compares the N-verse from the Hierapolis oracle with the N-verse from the Timbriada oracle. It has been previously established that the oracle from Timbriada, composed in iambic trimeter, served as the model for the hexameter oracle from Hierapolis. The N-verse of the Timbriada oracle promised the supplicant: Νυκτὸς κελαινῆς ἐκ μέσης ἔσται φάος, – “From the midst of black night, there will be light”. In the Hierapolis oracle, the expression φωσφόρος ἀκτή/ἀκτίς replaced the word “light” (φάος), and for this substitution the word “ray” (ἀκτίς) is more appropriate. Furthermore, the author argues that the principles governing the use of the adjective φωσφόρος would not have permitted a native speaker to use it as an epithet for “shore” (ἀκτή). Analysis of this adjective's usage shows that φωσφόρος always qualifies a subject or object that emits its own light – a category to which a shore decidedly does not belong. Therefore, the most accurate reading of the inscription is φωσφόρος ἀκτίς (light-bearing ray).

Key words: Ancient Greek inscription, alphabetical oracle from Hierapolis, alphabetical oracle from Timbriada, hexameter, iambic trimeter, φωσφόρος (phōsphoros)

For citation: Prikhodko, E. V. “Light-bearing shore” or “light-bearing ray”: what was the last word of the N-verse of the alphabetical oracle from Hierapolis? *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(1):75–83. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1268

REFERENCES

1. Prikhodko, E. V. What meter was primary for alphabetical oracles: iambic trimeter or hexameter? *Lomonosov Philology Journal*. Series 9. Philology. 2024;5:170–181. DOI: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-05-13 (In Russ.)
2. Brixhe, Cl., Hodot, R. L'Asie Mineure du Nord au Sud: inscriptions inédites. *Études d'Archéologie Classique* 6. Nancy, 1988. 256 p.
3. Carettoni, G. Scavo del Tempo di Apollo a Hierapolis. *Annuario della Scuola Archeologica di Atene e delle Missioni Italiane in Oriente*. Vol. XLI–XLII. Nuova serie XXV–XXVI (1963–1964). Roma, 1965. P. 411–433.
4. Cazzaniga, I. Sui XΡΗΣΜΟΙ di Apollo da Hierapolis Frigia. *La Parola del Passato*. 1966;21:67–73.
5. D'Andria, F. Hierapolis of Phrygia (Pamukkale). An archaeological guide. İstanbul, 2003. 240 p.

6. Gigante, M. Per la critica esegetica degli *oracoli* di Hierapolis. *La Parola del Passato*. 1976;31:323.
7. Guarducci, M. Nuove osservazioni sugli oracoli di Apollo Kareios a Ierapoli nella Frigia. *Rivista di Filologia e di Istruzione Classica*. 1974;102:197–202.
8. Guarducci, M. Epigrafia Greca. IV. Epigrafi Sacre Pagane e Christiane. Roma, 1978. 601 p.
9. Ismaelli, T. Il *monopteros* del Santuario di Apollo a Hierapolis di Frigia. Ricerche sull'oracolo alfabetico. *Istanbuler Mitteilungen*. 2009;59:131–192.
10. Ismaelli, T. Il Tempio A nel Santuario di Apollo. Architettura, Decorazione e Contesto. *Hierapolis di Frigia X*. İstanbul, 2017. 372 p.
11. Lloyd-Jones, H., West, M. L. Oracles of Apollo Kareios. *Maia. Rivista di letterature classiche*. 1966;18:263–264.
12. Nenci, G. ΦΩΣΦΟΡΟΣ AKTH. *Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa. Classe di Lettere e Filosofia*. 1975;III;5.1:99–101.
13. Nollé, J. Kleinasiatische Losorakel. Astragal- und Alphabetchresmologien der hochkaiserzeitlichen Orakelrenaissance. München, 2007. 331 S.
14. Pugliese Carratelli, G. Χρησμοί di Apollo Kareios e Apollo Klarios a Hierapolis in Frigia. *Annuario della Scuola Archeologica di Atene e delle Missioni Italiane in Oriente. Vol. XLI–XLII. Nuova serie XXV–XXVI (1963–1964)*. Roma, 1965. P. 351–370.
15. Pugliese Carratelli, G. ΘΕΟΙ ΠΡΟΠΥΛΑΙΟΙ. *Studi Classici e Orientali*. 1965;14:5–12.
16. Ritti, T. Hierapolis. Scavi e Ricerche I. Fonti Letterarie ed Epigrafiche. Roma, 1985. 152 p.
17. Ritti, T. Oracoli Alfabetici a Hierapolis di Frigia. *Miscellanea Greca e Romana*. 1989;XIV:245–286.
18. Ritti, T. An epigraphic guide to Hierapolis (Pamukkale). İstanbul, 2006. 211 p.
19. Ritti, T. Storia e istituzioni di Hierapolis. *Hierapolis di Frigia IX*. İstanbul, 2017. 726 p.
20. Semerano, G. The Sanctuary of Apollo in Hierapolis: building activities and ritual paths. *Ancient quarries and building sites in Asia Minor. Research on Hierapolis in Phrygia and other cities in south-western Anatolia: archaeology, archaeometry, conservation*. (T. Ismaelli, G. Scardozzi, Eds.). Bari, 2016. P. 777–785.
21. Semerano, G. Ricerche nel Santuario di Apollo (2007–2011). *La Attività dell'Campagne di Scavo e Restauro 2007–2011*. (F. D'Andria, M. P. Caggia, T. Ismaelli, A cura di). *Hierapolis di Frigia VIII, I*. İstanbul, 2016. P. 191–222.
22. West, M. L. Oracles of Apollo Kareios. A revised text. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 1967;1: 183–187.

Received: 24 November 2025; accepted: 24 December 2025